

С.Л. Франк

**Теория ценности Маркса и ее значение.
Критический этюд**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф82

Ф82 **Франк С.Л.**
Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд / С.Л. Франк – М.: Книга по Требованию, 2017. – 380 с.

ISBN 978-5-517-97903-2

ISBN 978-5-517-97903-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рые до послѣдняго времени прилагались впрочемъ у насъ ко всѣмъ, кто имѣлъ смѣлость не ограничиваться выраженіемъ своего согласія съ ученіемъ трехъ томовъ „Капитала“, а заниматься самостоятельнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ же вопросовъ. Врядъ ли нужно прибавлять, что европейская наука очень мало беспокоилась о нашей русской оцѣнкѣ ея и продолжала быстро подвигаться впередъ по разъ намѣченному пути. И такъ какъ *la raison finira toujours par avoir raison*, такъ какъ ортодоксальное осужденіе никогда еще не могло задержать развитія и распространенія новыхъ ученій, если въ нихъ содержалось зерно истины — то въ концѣ концовъ не европейской наукѣ, а намъ самимъ придется стыдиться нашей оцѣнки.

Все вышесказанное о теоріи политической экономіи особенно примѣнимо къ теоріи цѣнности и, въ частности, къ трудовой теоріи цѣнности. Нигдѣ не господствуетъ столь сильнаго разногласія, какъ въ оцѣнкѣ этой послѣдней. Одни видятъ въ трудовой теоріи цѣнности въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ дана въ системѣ Маркса, логически вполне законченное и матеріально вѣрное во всѣхъ отношеніяхъ ученіе и считаютъ ее краеугольнымъ камнемъ всего научнаго анализа современнаго экономическаго строя, другіе склонны смотрѣть на нее, какъ на неудачную гипотезу, давно опровергнутую и сданную въ архивъ научныхъ заблужденій, гдѣ ей въ будущемъ предстоитъ занять мѣсто рядомъ съ теоріей флогистона и Птолемеевой системой мірозданія. Невѣрность этихъ крайнихъ мнѣній начинаетъ теперь обнаруживаться уже довольно ясно. Теорія, созданная величайшими умами въ области экономической науки — начиная съ Петти и Адама Смита и кончая наиболѣе выдающимися „утопистами“, вроде Томпсона, Оуэна и Прудона, и наконецъ Марксомъ и Родбертусомъ — такая теорія самой своей живучестью обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, и свою жизнеспособность: въ

экономическихъ явленіяхъ должно лежать что-либо, что служить поводомъ и исходнымъ пунктомъ этой теоріи и безъ чего она превратилась бы въ историческую случайность, — что совершенно недопустимо для такого широкаго и долговѣчнаго теченія. Столь же невѣрно, однако, и ортодоксальное убѣжденіе въ полной законченности и правильности трудовой теоріи цѣнности: ему противорѣчитъ уже самый фактъ непрерывнаго спора о ея значеніи, свидѣтельствующій, что въ современной формулировкѣ ея не все обстоитъ благополучно; и если каждая изъ спорящихъ сторонъ нерѣдко объясняетъ разногласіе мнѣній сознательной или безсознательной недобросовѣстностью противной стороны, нежеланіемъ ея вдуматься въ изслѣдуемый вопросъ, то это объясненіе — независимо отъ того, насколько оно вѣрно или умѣстно само по себѣ — доказываетъ какъ разъ то, что собиралось опровергнуть, именно, что вопросъ еще не настолько выясненъ, чтобы сдѣлать подобныя *qui pro quo* невозможными.

II въ этомъ отношеніи послѣднее время значительно улучшило положеніе дѣла. Въ нашей литературѣ постепенно начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто сознаніе, что теорія цѣнности Маркса не можетъ считаться окончательнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ проблемы цѣнности и что она нуждается въ основательныхъ поправкахъ и дополненіяхъ. Попытки такого исправленія имѣются у насъ уже въ изобиліи, но большинство ихъ страдаетъ однимъ недостаткомъ: онѣ сознательно отказываются пользоваться результатами научной разработки этого вопроса, выполненной противниками теоріи Маркса, и потому сводятся къ частичнымъ, мелочнымъ дополненіямъ, опирающимся главнымъ образомъ на другія мысли Маркса или части его системы. Это стремленіе дополнить Маркса Марксомъ же есть послѣднее усиліе догматизма спасти себя самого, ставши догматизмомъ кри-

тическимъ. Въ противоположность этой тенденціи мы имѣемъ смѣлость утверждать, что критическая разработка теоріи цѣнности Маркса—какъ и всѣхъ остальныхъ его теорій — можетъ и должна заключаться въ исправленіи и углубленіи ея на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыя были добыты новѣйшимъ развитіемъ западно-европейской теоретической экономіи, и попытку подобной критической оцѣнки теоріи Маркса и представляетъ собою предлагаемый этюдъ. Мы старались въ немъ показать, въ какомъ отношеніи теорія цѣнности Маркса должна быть признана неправильной и при какомъ значеніи она сохраняетъ научную цѣнность. Мы старались далѣе показать, что это послѣднее, единственно истинное, значеніе трудовой теоріи цѣнности можетъ быть обнаружено только путемъ органическаго ея соединенія съ другой теоріей цѣнности, такъ называемой теоріей субъективной цѣнности или предѣльной полезности, и что такое соединеніе двухъ повидимому противорѣчащихъ другъ другу теорій служитъ на пользу ихъ обѣихъ и открываетъ нѣкоторыя новыя плодотворныя точки зрѣнія въ теоріи цѣнности и распределенія.

Среди лицъ, дорожащихъ экономическимъ міросозерцаніемъ, связаннымъ съ системой Маркса, быть можетъ, возникнутъ опасенія, какъ бы критическая провѣрка одной изъ теоретическихъ основъ этого міросозерцанія не повредила его жизнеспособности. Но не говоря о томъ, что передъ такимъ соображеніемъ никогда не можетъ останавливаться научная мысль и что міросозерцаніе, такъ легко могущее быть поколебленнымъ, *заслуживало* бы разрушенія, въ примѣненіи къ данному случаю это опасеніе совершенно неосновательно. Общественныя идеи автора „Капитала“ не были имъ созданы: они существовали и до него, такъ какъ коренятся въ самихъ условіяхъ современной соціальной жизни, и жизнеспособность ихъ держится не на той или иной теоріи, а на соціальныхъ чувствахъ

и интересахъ. Великое вѣковое теченіе европейской мысли стоитъ выше мнѣній, быть можетъ, величайшаго и гениальнѣйшаго, но все же лишь одного изъ его представителей и не можетъ потерпѣть ущерба отъ критики этихъ мнѣній, которыя служатъ лишь однимъ изъ этаповъ по пути его научнаго освѣщенія.

Но и сама система Маркса не можетъ быть разрушена критикой отдѣльныхъ ея положеній. Подобно всѣмъ твореніямъ великихъ умовъ, она обладаетъ значеніемъ, которое не исчерпывается значеніемъ всѣхъ входящихъ въ нее положеній, и потому не падаетъ вмѣстѣ съ ними. Эти положенія являются до извѣстной степени лишь случайной формой, въ которую вылилась система, и всѣ ихъ измѣненія, дополненія и исправленія такъ же мало вредятъ жизненности общаго духа системы, какъ мало вредитъ ремонтъ отдѣльныхъ частей зданія его прочности и красотѣ, разъ только оно стоитъ на твердомъ фундаментѣ и разъ сохраняется неприкосновеннымъ единство заложенной въ немъ архитектурной идеи. Поэтому и въ примѣненіи къ системѣ Маркса сохраняютъ силу тѣ слова Вольтера, которыя Шопенгауеръ поставилъ во главѣ своей критики системы Канта:

«C'est le privilège d'un vrai génie, et surtout d'un génie qui ouvre une carrière, de faire impunément de grandes fautes».

ГЛАВА I.

Теорія мѣновой цѣнности Маркса.

I. Что такое «мѣновая цѣнность»?—II. Постановка задачи теоріи мѣновой цѣнности у Маркса.—III. Трудовая теорія цѣнности и цѣнность «рѣдкихъ благъ».—IV. Трудовая теорія цѣнности и рыночныя цѣны.—V. Трудовая теорія цѣнности и «среднія цѣны».—VI. Теорія издержекъ производства.—VII. Трудовая теорія цѣнности и цѣнность труда.—VIII. Теорія «общественно-необходимаго труда».—IX. Заключение.

I.

Всякая теорія можетъ быть успѣшна только въ томъ случаѣ, если ей предшествуетъ болѣе или менѣе точное опредѣленіе явленія, служащаго объектомъ ея изученія. Изученіе какой-нибудь спеціальной группы явленій возможно вообще только тогда, когда эта группа твердо опредѣленными логическими границами отдѣлена отъ остального міра явленій. Это элементарное логическое правило нерѣдко упускается изъ виду, чѣмъ и объясняется бесплодность многихъ споровъ: спорящія стороны часто не замѣчаютъ, что каждая изъ нихъ обсуждаетъ совершенно самостоятельный вопросъ; каждая изъ нихъ можетъ быть вполне права въ своемъ утвержденіи, и однако споръ можетъ продолжаться безконечно, не приведя ни къ какимъ результатамъ именно потому, что эта двойственность объекта обсужденія остается незамѣченной, такъ что одна сторона относитъ утвержденіе другой къ совсѣмъ иному роду явленій, чѣмъ эта послѣдняя, и *vice versa*. То же логи-

ческое правило примѣняется, разумѣтся, и къ теоріи цѣнности. Если вопросъ: „что нужно объяснить?“ долженъ вообще предшествовать вопросу: „какъ нужно объяснить?“, то въ теоріи цѣнности обсужденіе вопроса: „чѣмъ объясняется цѣнность?“ можетъ только слѣдовать за разрѣшеніемъ другого вопроса: „что такое цѣнность? Какого рода экономическія явленія теорія цѣнности должна объяснять?“

Дѣло идетъ тутъ, разумѣтся, не о строго научномъ опредѣленіи темы, возможномъ только на позднѣйшей ступени изслѣдованія, когда уже *a posteriori* выяснены извѣстныя типичныя черты данной группы явленій. Задача предварительнаго опредѣленія сводится лишь къ условному разграниченію различныхъ явленій, необходимому для того, чтобы—пользуясь выраженіемъ Милля — „терминъ давалъ опредѣленное понятіе, вполне удовлетворяющее требованіямъ практическихъ цѣлей“.

Если прислушаться къ спору между защитниками и противниками трудовой теоріи цѣнности, то легко замѣтить, что объектъ, къ которому относятся утвержденія той и другой стороны,—понятіе „цѣнность“ — остается далеко не выясненнымъ. Терминъ „цѣнность“ не настолько опредѣлененъ, чтобы вызывать въ головѣ каждаго только одно, и притомъ вполне ясное понятіе. Уже у классиковъ — Ад. Смита и Рикардо — можно насчитать цѣлыхъ шесть значеній этого термина, который къ тому же употребляется въ перемежку съ другимъ, почти равнозначущимъ ему терминомъ „цѣна“. Прежде всего классики подъ терминъ „цѣнность“ приводятъ столь разнородныя понятія, какъ „потребительную цѣнность“ или по-просту полезность блага съ одной стороны, и „мѣновую цѣнность“, т.-е. мѣновое отношеніе между благами—съ другой. Затѣмъ они отличаютъ такъ называемую „рыночную цѣнность“ или „цѣну“ отъ „естественной“, „нормальной“ или „необходимой“ цѣнности. Наконецъ, у тѣхъ же авто-

ровъ и у многихъ другихъ мы встрѣчаемся съ весьма неяснымъ и никѣмъ не объясняемымъ терминомъ „дѣйствительной“ или „реальной цѣнности или цѣны (real value или price), которой противоплагается столь же мало выясненное понятіе, обозначаемое иногда терминомъ „номинальной“ иногда — „относительной цѣнности“. Всѣмъ этимъ понятіямъ, одинаково обозначаемымъ терминомъ „цѣнность“, не соотвѣтствуетъ никакое объединяющее, центральное *понятіе цѣнности*, подраздѣленіями котораго, на основаніи какого-нибудь точнаго *fundamentum divisionis*, они могли бы служить. Наоборотъ, естественная и потребительная цѣнность, дѣйствительная и мѣновая цѣнность — все это понятія, не стоящія въ точно выясненномъ отношеніи ни другъ къ другу, ни тѣмъ болѣе къ координирующему ихъ понятію цѣнности какъ таковой. Правда, изъ нашего списка можно свободно вычеркнуть терминъ „потребительная цѣнность“, такъ какъ классики устаиваютъ его повидимому только для того, чтобы тотчасъ же о немъ забыть или даже сознательно отвергнуть необходимость заниматься соотвѣствующимъ ему понятіемъ, въ связи съ другими видами цѣнности. Но не говоря уже о томъ, что такая щедрая раздача титула цѣнности тому, кто, по собственному признанію виновниковъ раздачи, его вовсе не заслуживаетъ, не можетъ служить на пользу дѣла, — и остающихся понятій вполне достаточно для того, чтобы сдѣлать изслѣдованіе соотвѣствующихъ имъ явленій дѣломъ совершенно безнадежнымъ, пока не будетъ данъ ясный отвѣтъ на вопросъ: что такое цѣнность?

Дальнѣйшее движеніе науки врядъ ли ослабило эту неопредѣленность понятія цѣнности. У Родбертуса напр. трудовая цѣнность *объявляется* не фактомъ настоящаго времени, а „великой народно-хозяйственной идеей“, осуществленіе которой принадлежитъ будущему. Такое заявленіе уже само по себѣ

чревато весьма опасными послѣдствіями, потому что смѣшиваетъ изслѣдованіе того, что есть, съ оцѣнкой того, что должно быть. Оно становится однако еще болѣе опаснымъ благодаря тому, что извѣстное значеніе, и притомъ далеко не второстепенное, Родбертусъ приписываетъ трудовой теоріи цѣнности и при анализѣ современнаго хозяйственнаго строя. Такое признаніе двойкаго значенія за трудовой теоріей цѣнности или за понятіемъ „трудовой цѣнности“, причемъ одно изъ этихъ значеній исключаетъ другое, возможно опять-таки лишь при двусмысленности самого понятія цѣнности.

Марксъ далъ въ 3-мъ томѣ „Капитала“ рядъ новыхъ обозначеній отдѣльныхъ видовъ мѣновой цѣнности, какъ наприм. Produktionspreis, Marktwert, Marktpreis, чѣмъ врядъ-ли много содѣйствовалъ уясненію понятій. Но наибольшую неопредѣленность мы находимъ въ 1-мъ томѣ, именно въ рѣзкомъ, но тѣмъ не менѣе совершенно невыясненномъ разграниченіи „мѣновой цѣнности“ отъ „цѣнности“ вообще, „цѣнности“ безъ особой квалификаціи. Неясность заключается не только въ томъ, что видовое понятіе „мѣновой цѣнности“ не включается въ родовое понятіе „цѣнности вообще“, а наоборотъ противопоставляется послѣднему въ качествѣ чего-то самостоятельнаго, но и главнымъ образомъ въ томъ, что самое понятіе „цѣнности“ почти не объясняется. Тогда какъ по отношенію къ „мѣновой цѣнности“ прямо указывается, что подъ ней подразумѣвается то отношеніе, въ которомъ товары обмѣниваются другъ на друга, о значеніи „цѣнности“ мы можемъ только догадываться на основаніи отрывочныхъ замѣчаній, и относящіяся къ этому понятію положенія остаются, быть можетъ, самымъ неяснымъ пунктомъ всей системы Маркса ¹⁾.

¹⁾ Основное положеніе Маркса, что «цѣнность есть общественное отношеніе», — чтобы мы о немъ ни думали — есть во

Наконецъ, „австрійская“ или „субъективная“ школа ввела два новыхъ понятія „субъективной“ и „объективной“ цѣнности, и тѣмъ еще болѣе усложнила дѣло, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ тѣхъ, кто не считаетъ это дѣленіе исчерпывающимъ.

Было бы чрезвычайно благодарнымъ дѣломъ, — систематически выполнить которое еще никто не пытался, — взяться за очистку этихъ терминологическихъ авгіевыхъ конюшенъ теоріи цѣнности. Безъ выполненія подобной критико-терминологической работы невозможно полное разрѣшеніе вопроса о задачахъ теоріи цѣнности т. е. о томъ, какія экономическія явленія она должна объяснить. Здѣсь, однако, мы должны отказаться отъ этой работы. Интересующій насъ вопросъ о задачахъ теоріи цѣнности мы можемъ поэтому поставить въ слѣдующей формѣ: какая задача теоріи цѣнности составляетъ тотъ минимумъ, на которомъ сходятся всѣ или по крайней мѣрѣ подавляющее большинство направленій? Другими словами: какія экономическія явленія, по общему признанію, должна объяснить теорія цѣнности *во всякомъ случаѣ*, т. е. хотя бы за этимъ объясненіемъ могла или должна была слѣдовать и другого рода работа?

При такой постановкѣ вопроса отвѣтъ на него для всѣхъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ нашей темой, очевиденъ самъ собой: теорія цѣнности должна объяснить причины, опредѣляющія величину того отношенія, въ которомъ различныя блага обмѣниваются другъ на друга; въ этомъ заключается ея центральная и главнѣйшая задача. Теорія, которая заранѣе отказывалась бы дать отвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ, почему — выражаясь конкретно — одинъ фунтъ чая обмѣнивается

всякомъ случаѣ положеніе *синтетическое*, утверждающее нѣчто новое по отношенію къ понятію «цѣнность» и поэтому предполагающее его значеніе уже извѣстнымъ.

на 2 фунта кофе, на пудъ хлѣба и на 10 аршинъ ситца. такая теорія могла бы быть чѣмъ угодно, но никакъ не теоріей цѣнности. Правда, нерѣдко указанный вопросъ относятъ не къ теоріи цѣнности, а къ теоріи цѣны—такъ поступаетъ напр. большинство нѣмецкихъ экономистовъ, но для нашей цѣли, т. е., для выясненія главнѣйшей задачи всякихъ изслѣдованій, темой которыхъ служитъ то, что подразумѣвается подъ проблемой цѣнности *въ широкомъ смыслѣ слова*, это есть лишь особенность терминологіи, до которой намъ пока нѣтъ никакого дѣла; кромѣ того, то, что по этой терминологіи противопоставляются „теоріи цѣны“ подъ названіемъ „теоріи цѣнности“ въ узкомъ смыслѣ, есть лишь вступительныя изслѣдованія, съ помощью которыхъ разрѣшается вопросъ о „цѣнѣ“ товаровъ. То же можно сказать и по отношенію ко всѣмъ другимъ подраздѣленіямъ цѣнности у разныхъ вторыхъ: всѣ они служатъ лишь для выясненія законовъ, опредѣляющихъ величину мѣнового отношенія между благами: такова у Маркса „цѣнность“, въ отличіе отъ „мѣновой цѣнности“ и другихъ относящихся къ мѣновому процессу категорій, такова же „субъективная цѣнность“ у „австрійскихъ“ экономистовъ. Справедливо также, что указаннымъ выше вопросомъ теорія цѣнности отнюдь не исчерпывается. Такъ, по отношенію къ процессу обмѣна можно поставить цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, изъ которыхъ главнѣйшій касается законовъ, опредѣляющихъ не то или иное *опредѣленное* мѣновое отношеніе между благами, а самую природу этого отношенія; многіе относятъ этотъ вопросъ къ *теоріи обмѣна* (напр. Менгеръ), но съ тѣмъ же правомъ можно его включить и въ теорію цѣнности, какъ поступилъ напр. Марксъ, обозначивъ его какъ анализъ цѣнности въ отличіе отъ анализа величины цѣнности; сюда же относится напр. вопросъ о происхожденіи и формахъ обмѣна (формы цѣнности у Маркса) и т. д.